

Александр Михайлович Кабанов

(15.02.1952 — 23.01.2011)

Петербург потерял последнего япониста, принадлежащего к блестящей плеяде ученых-энциклопедистов, ушедших в историю, — А.М. Кабанова. Он оставил после себя огромное количество публикаций, связанных с разными аспектами изучения Японии. Его живой, любознательный ум всегда занимали самые, казалось бы, несоместимые темы — от дзэн-буддизма до деятельности секты «Аум синрикё» в России, от айнского фольклора до неизвестных рукописей из коллекции Института восточной рукописи, от стихотворного наследия монаха XV в. до сочинений модных сегодня японских писателей. Как он сам написал в своей биографии для сайта Института, «сферой научных интересов были: чань-буддизм, дзэн-буддизм (особенно литература годзан), китайско-японские историко-культурные связи, японский эзотерический буддизм, синтоизм, язык и культура айну и о-вов Рюкю, народная литература периода Токугава, культурная и социальная антропология».

Широченный разброс тематики отнюдь не означал дилетантизм в их освещении, все публикации А. Кабанова основаны на блестящем знании источников и научной литературы и, как правило, касаются глубинных пластов культуры, открывая новые и часто неожиданные перспективы для дальнейшего изучения.

Он родился в Дедовичах Псковской области. В 1974 г. окончил Восточный факультет ЛГУ (специальность — история Японии), несколько лет проработал в агентстве по авторским правам и в 1978 г. был принят в штат ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР на должность старшего лаборанта. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поэзия Пяти монастырей (*годзан бунгаку*) в XIV–XV вв. и ее место в японской литературе» (научный руководитель — В.Н. Горегляд). С 1985 г. А.М. Кабанов — старший научный сотрудник Сектора Дальнего Востока ЛО ИВ АН (с 2010 г. ИВР РАН). Подчеркнем, что он был одним из российских японистов, взявших за исследование буддизма. Выбранная им тема для диссертации не только была новаторской для нашей науки, но и требовала одинаково совершенного знания японского и китайского языков. Вышедшая в издательстве «Гиперион» небольшая книжечка «Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей» (СПб., 1999), куда вошли блестящие переводы поэзии дзэнских монахов, поистине образец высокопрофессиональной работы, когда за казалось бы кратким комментарием кроется трудоемкая и кропотливая работа высшей пробы. Надеюсь, что и неопубликованная рукопись книги «Иккю Содзюн. Собрание стихотворений „Безумного облака“ (Кёунсю)» тоже будет наконец издана.

А.М. Кабанов всегда брался за архисложные темы — будь то поэзия дзэнских монахов на китайском языке или исследование эзотерического буддизма, смело прокладывая дорогу для следующих поколений ученых. Его всегда интересовали неординарные, даже эксцентричные личности — не случайно ему принадлежит книга об ученом, изобретателе и литераторе Хирага Гэннай («Хирага Гэннай. Похождения весельчака Сидокэна». СПб., 1998), наверно потому, что он и сам был незаурядной личностью.

А.М. Кабанов был не только великолепным исследователем, но и превосходным переводчиком с японского, китайского и английского языков. Благодаря ему россий-

ские читатели познакомились с творчеством не только дзэнских монахов, но и современных японских писателей, начиная от Мисима Юкио и кончая Мураками Рю. Однако он не ограничивался исключительно переводами художественной литературы, ему принадлежат также переводы научной литературы, например классическая история дзэн-буддизма Г. Дюмулена («История Дзэн-буддизма. Индия и Китай», СПб., 1994) или же выдержавшее не одно издание знаменитое исследование Ван Гулика «Сексуальная жизнь в древнем Китае» (СПб., 2004) и многие др.

Изданные книги А.М. Кабанова большей частью представляют собой переводы классических текстов, которые неизвестно с чьей легкой руки перестали считаться «научными исследованиями». На мой взгляд, точный и мастерски выполненный перевод с комментарием классических текстов представляет значительно большую ценность, чем недолговечные рассуждения исследователей, часто весьма быстро устаревающие и теряющие интерес для читателей. Умение вписать переводимый текст в контекст культуры, показать их внутренние связи, вскрыть те ассоциативные ряды, которые только и позволяют понять глубинные пласты культуры, сделать этот текст понятным современным читателям, не привнося в него сегодняшние акценты и смыслы, — все эти задачи требуют от исследователей огромного профессионализма и умения работать с материалом. Огромная эрудиция, отличная начитанность, превосходная интуиция, свободное ориентирование в пространстве культуры Дальнего Востока (и не только!), великолепное владение словом и были сильными сторонами А.М. Кабанова. Не сомневаюсь, что переводы А.М. Кабанова уже вошли в золотой фонд нашей японистики и будут востребованы еще очень долгое время.

Еще одним любимым делом его жизни было руководство в 1990–1999 гг. японским отделением негосударственного Восточного института, соучредителем которого он и являлся: преподавал там японский язык, историю, религию, культурную антропологию, много возился со студентами, читал с ними произведения классической и современной японской литературы, старался помочь им в их дальнейшей карьере и жизни. Многие его ученики сейчас разбросаны по миру, продолжая заниматься японистикой.

По счастью, его еще при жизни оценили западные японисты, и доклады Саши привлекали особое внимание на многочисленных конференциях, где бы они ни проходили. В наших пенатах все обстояло сложнее — он плохо вписывался в наш академический ландшафт, но смею надеяться, что спустя некоторое время его имя по праву займет достойное место среди самых выдающихся японистов нашего времени.

К.Г. Маранджян